

Елена Полтавская



— поэт, эссеист, кандидат филологических наук.



МОСКВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПРИШВИНА

Когда я готовила тему, конечно, обратилась к дневникам Пришвина. Весь Пришвин в них. И как подчеркнул Алексей Варламов: «Михаил Михайлович относился к своей жизни как к объекту творчества. Он творил ее (недаром жизнетворчество было одним из ключевых для него понятий) и свой Дневник, тетрадки, куда заносил каждодневные обширные свидетельства жизни, считал главным своим произведением». И в этом случае можно только позавидовать специалистам, изучающим творчество этого писателя. Совсем по-другому обстояли дела с Буниным. Из-за эмиграции многие документы не удалось сохранить, а сам писатель мог и уничтожить некоторые дневниковые записи. И специалистам приходилось по крупицам восстанавливать некоторые периоды его жизни. Пришвину же повезло. Ему удалось сохранить для читателя все написанное. И даже то, что не было опубликовано при жизни, нашло путь к читателю уже после смерти писателя.

Как повлияла Москва на жизнь и творчество Пришвина? Москва структурировала писателя, она дала ему читателя. Ведь почти все прижизненные издания его произведений были выпущены в Москве. И мы видим в дневниках, как он стремился в Москву. И как он настойчиво

и последовательно добивался квартиры в Москве. Можно сказать, что московский период в жизни Пришвина наступил в 1922 году.

С осени 1922-го по весну 1925-го писатель сменил несколько деревень в Талдомском районе. Он начал изучать историю башмачного ремесла в северных уездах Московской губернии. Башмаки из села Талдом и сапоги из села Кимры славились на всю Россию. Главным же литературным итогом работы Пришвина в этих местах стала книга «Башмаки», впервые опубликованная в 1923 году. М. Горький отзывался о книге хорошо. В это время М.М. Пришвин получил комнату в общежитии литераторов (ныне здание Литературного института). Это первый московский адрес Пришвина. 1 апреля 1923 года он написал в дневнике заметку, назвав ее «Бездомье»: «Я очутился в Москве в маленькой сырой комнате, хуже быть не может! Мебелью была в ней простая лавка, на ней лежала съеденная молью енотовая шуба поэта Мандельштама, под голову я клал свой мешок с бельем. Сам Мандельштам лежал напротив во флигеле с женой на столе. Вот он козлик, запрокинув гордо назад голову, бежит через двор с деревьями дома Союза Писателей, как-то странно бежит от дерева к дереву, будто приближается ко мне пудель из “Фауста”. “Не за шубой ли?” — в страхе думаю я. Слава Богу, за папирской и нет ли у меня листа бумаги. Получив желаемое, попрыгав гордо папирсой, он удаляется опять козлик».

Но комнату на Тверском бульваре Пришвин удержать не смог. Начальство раздражали его долгие отлучки, и комнату, мотивируя тем, что квартиросъемщик ее не использует, отняли.

В 1923 году он записал: «Раньше я всегда чувствовал в литературе кого-то над собой, как небо, теперь небо упало, разбилось на куски, и каждый кусок объявил себя небом, каждый теперь работает в размере своего обломка, и над собой нет общего неба, <...> без неба писаться будет лучше?»

И такое «небо» он обрел в виде журнала «Новый мир», а именно в лице главного редактора Вячеслава Павловича Полонского. Журнал был создан в 1925 году. И уже в первых номерах появились зарисовки писателя «Весна, воды, леса». Полонский был назначен главным редактором в 1926 году. У него было два помощника-секретаря, в их числе Николай Иванович Замошкин (это имя будет часто встречаться на страницах дневника 30—40-х годов). Свой роман «Кащеева цепь» (с 4-го по 10-е звенья) Пришвин также опубликовал в «Новом мире». Ему пришлось по душе финансовые условия журнала. Уже через два месяца благодаря «Новому миру» писатель купил дом в Сергиевом Посаде. В 1926 году он записал в дневнике: «Я поехал доставать денег и как маньяк носился по Москве. Обещали в “Рабочей газете” 1 000 руб., в “Новом мире” дали 1 000 руб. Вернувшись к Троице, вечером посмотрел один дом и утром купил».

В 1927 году Пришвин продолжает печататься в «Новом мире» и ведет активную переписку с Полонским. Но в 1928-м Полонский был смещен с поста главного редактора, как оказалось, на год, и Пришвин написал ему искреннее письмо поддержки. В 1928 году у Пришвина в «Новом мире» вышло несколько миниатюр, в 1930 был напечатан очерк «Зооферма». В 1931-м Полонский был окончательно снят с поста главного редактора. Инициативу проявили члены РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей).

В 1930-е годы в СССР велось масштабное индустриальное строительство. Оно притягивало литераторов. В 1932 году в середине февраля туда поехал и Полонский. В дороге он заболел тифом. 22 февраля его в тяжелом состоянии сняли с поезда в Магнитогорске и поместили в больницу, но врачи оказались бессильными. Бывший главный редактор «Нового мира» скончался 24 февраля. Позже, 5 марта, Пришвин записал в дневнике: «Лева вчера был на сожжении Полонского. У него одного были кожаные перчатки, и потому он один мог взять горячую урну и вез ее в автомобиле, чувствуя ее теплоту. Знал бы Полонский это, неделей раньше зайдя к Лева проститься...»

В 1932 году «Новый мир» напечатал очерк Пришвина «Новая Даурия». В 1939 году — «Лисичкин хлеб». В 1940-м «Новый мир» познакомил читателей с поэмой Пришвина «Фацелия». В 1944 году, в сдвоенном № 1–2, «Новый мир» поместил

восемь его коротких рассказов: «Ботик», «Дети», «Жизнь возле пня» и др. В 1951-м — рассказ «Заполяренный мед».

В апреле 1932 года Пришвин получил в Москве четырехкомнатную квартиру, и 13 апреля в дневнике появилась запись: «Осенью переезжаем с Павловной <...>. С квартирами у Сталина, как в арабских сказках: в самую последнюю минуту отчаяния является сам калиф и вдруг устраивает своей волей все счастье». Писатель получил квартиру в новом доме на Бутырской заставе. А уже 2 июля этого же года возникла такая запись: «В Москве живу среди хаоса строительства, — стук гальки (мостят), вечный крик, свист детей, квартира недоделанная, жильцы хлопают дверьми, так, что вскакиваю с постели».

30 июля 1932 года в дневнике появилась новая запись, и я не могу ей не поделиться. «Переживаю горе: старуха моя не хочет уже ехать со мной на охоту, развалилась и стала злющая такая, что вчера прямо бежал из дому и даже думал: а может быть, и в большинстве случаев, когда говорят о ком-то, бросившем жену, — что ему и ничего больше не остается, как бросить ее. Происхождение же злобы в неравенстве: одному хочется жить, другой не может угнаться, хочет и не может — отсюда и злоба. Такая женщина собирает в себя ос, — женщина-осиное гнездо. И удивительно! В нынешнем году у нас в сенях выросло огромное осиное гнездо». Ефросинье Павловне — сорок девять лет.



М.М. Пришвин в своем доме в Загорске

В сентябре 1932 года сын Лев предложил поменять эту четырехкомнатную квартиру на две комнаты в Леонтьевском переулке.

10 ноября 1932 года: «Лева, устроив квартиру и телефон будто бы для моей работы, не замедлил ввести в нее девицу, не то невесту, не то жену, не то любовницу, и теперь оба сидят за перегородкой, читают вслух, смеются, играют в бляшки: прямо Дафнис и Хлоя, а мне зарез!»

Август 1934 год — Первый съезд Союза писателей СССР, где Пришвин был избран членом Правления. А уже в дневнике 22 ноября 1934 года следует запись: «Союз писателей — это именно и есть управление по литер.

делам, тут морг, а настоящий живой писатель когда-нибудь вырвется из неведомой большой жизни...»

3 января 1935-го в дневнике им записано: «Групповое сознание нашей квартиры: Петровна и другие в разделенности чуть ли не биологической, а христианство пробует всех соединить: “и Петровна человек!” То же и коммунизм, но христианство воспитывает, а коммунизм стаскивает всех в одну квартиру». И это заставило Пришвина в феврале 1935 года написать письмо Лазарю Моисеевичу Кагановичу, который был председателем комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), в котором содержалось два пункта: 1) Дать разрешение

жильцам квартиры получить свой общий коридорный телефон; 2) дать жилище отдельное для семьи с кабинетом для работы и своим личным телефоном.

Эта просьба была удовлетворена, и Пришвин получил квартиру в центре Москвы.

В 1932 году на встрече с Максимом Горьким Иосиф Сталин обещал посодействовать созданию «городка или гостиницы» для писателей, и в 1934-м по личному распоряжению вождя началась работа над проектом. Заселение кооперативного четырехподъездного жилого дома по адресу Лаврушинский переулок, дом 17 было закончено в 1937 году. Вторая очередь Дома писателей была построена уже после войны, в 1948–1949. В 1937 году писатель переехал в эту квартиру.

А пока 31 января 1935-го он записал в дневнике: «Слышал о статье Панферова против Горького. Конец Максима, это чувствуется — висит в воздухе». Горький умер 18 июня 1936 года. 20 июня Пришвин записал: «Несколько часов углубленно думал и понял М. Горького как человека удачливого и счастливого <...>. Я — человек, находящийся в борьбе с “не”»: мне счастье не даром дается». И здесь же записал со слов сына Льва, что похороны Горького ускорены: «Рассказывал Лева, что на 8-й день болезни у Горького был Сталин и Молотов и это больного порадовало <...>».

Благодаря поддержке Горького, Пришвину удалось издать в 1927–30-м собрание сочинений в 7 томах.

В это время Пришвин много путешествовал, писал и публиковался. Его рассказы выходили в «Правде». Журналы «Новый мир», «Наши достижения», «Огонек» и многие другие печатали его рассказы, очерки, повести, знакомили читателей с романами. Шла работа над собранием сочинений.

Итак, квартирный вопрос. 24 июня 1937-го появилась такая запись: «Квартира в Лаврушинском против Третьяковки начинает казаться безумной мечтой о тихом убежище в горле вулкана. И тем не менее, расчет совершенно правильный: убежище возможно только в самом горле...»

26 июля 1936-го: «Приехал ночью из Москвы Петя, говорит, что затяжка с квартирой дело вполне естественное, что Тренев пишет пьесу по личному поручению Сталина и Вишневский тоже, отчего и вселились. А Луговской хотел силой ворваться, Барто его тащила назад, но он ударил сторожа, и тот подал на него в суд. Кажется, квартира будет в июле».

30 июня 1937 года: «Но я квартиру получил, потому что я “большой” писатель, а большой, потому что не из-за денег пишу (неоскорбляемая часть души). Другой же пишет из-за денег и уже давно имеет квартиру. Значит, — при чем тут неоскорбленная часть? Вопрос: что реально, квартира или душа? <...>».

27 июля 1937-го: «Рассказывал Ефр. П. о “Воздушном Замке”: Павловна! представь себе, что не только не надо печки топить, а даже негде бумажку ненужную сжечь. Это на-

зывается центральным отоплением. Ты об этом грязном деле вовсе не думаешь, не надо заготавливать дров, не надо таскать их со двора, грязнить квартиру, следить за топкой, угорать. Ты ничего об этом не будешь знать, а будет тепло, и ты никогда не будешь видеть тех, кто все это делает, между тем, конечно, кто-то делает. У нас в воздушном замке не надо будет ходить за водой с ведрами на коромысле, вода проведена и бежит к нам из крана даже горячая: холодная и горячая».

30 июля 1937 года Политбюро утвердило оперативный приказ наркома внутренних дел № 00447. Все репресслируемые «антисоветские элементы», согласно приказу, разбивались на две категории: первая — подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая — подлежащие заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет.

А между тем в дневнике 1939 года 22 декабря он записал: «Слава Сталина создается автоматически, желай он этого или не желай. Она складывается из желания каждого жить, и каждый спешит послать приветствие Сталину, чтобы здесь ему можно было жить увереннее. Каждый как бы привешивается к флагу, мотается, как флаг, и благодаря множеству (один — немного, но все...) получается сила. Из жажды жизни чисто животной — есть, спать, рожать — и создается эта сила».

8 августа 1937-го: «Павловне плохо: вчера слушала о квартире и заплакала. Мне стало ее так жалко,

что так это и осталось на сердце уколom. В молодости женщина явилась как единственная и незаменимая. Вокруг все были женщины, а я, как заколдованный, думал все об одной. Вот пришла старость. После тридцати пяти лет жизни с обыкновенной как будто бы женщиной, каких, казалось, так много везде, она сделалась для меня тоже единственной и незаменимой никем. Так в моей жизни, как два полюса, южный и северный, стали две женщины: единственная в юности и единственная в старости. И так должно жить».

В августе Пришвин переехал в квартиру в Лаврушинском. 28 августа 1937-го: «Наслаждаюсь по-детски удобством от квартиры “Воздушный замок” и в первый раз в жизни своей чувствую, что у меня как у всех».

Пришвин обустроил свой воздушный замок с дворцовой роскошью: гостиная красного дерева, огромная венецианская люстра. И зажил барином. Михаил Михайлович говорил, что в его квартире в Лаврушинском «вечность» есть. Иногда действительно случались просто необъяснимые ситуации. Пришвин записал однажды в своем дневнике: «Вот у меня прекрасная квартира, но я в ней как в гостинице. Вчера Федин позвонил мне и с удивлением сказал: — Я сейчас только узнал, что вы живете со мной в одном доме. — И целый год, — сказал я. — Целый год! — повторил он». Немудрено было не встретиться в таком большом доме двум старым приятелям!



Михаил Михайлович и Валерия Дмитриевна

Б.Л. Пастернак переехал сюда одним из первых — в декабре 1937 года. Он получил маленькую квартирку в башне под крышей.

Дом выился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.
Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижаль
На каменное плоскогорье.

В этот дом поселился и К.Г. Паустовский.

Участок, на котором стоит «Дом писателей», известен с 1660-х годов, когда этот двор был пожалован служилому дворянину Семену Титову.

Тот выстроил на нем каменные палаты — они сохранились до настоящего времени во дворе дома. На месте флигелей усадьбы и разномастной застройки в начале 1930-х было решено возводить крупный жилой комплекс. Масштаб здания определился в рамках Генплана реконструкции Москвы 1935 года.

Принято считать, что Пришвин прожил в Загорске с 1926 по 1936 год. Не совсем так. Даже получив квартиру, он каждую неделю ездил в Загорск. Почему? Жизнь человека размещается в определенном пространстве. Он не только должен его упорядочить (мебель, ведение хозяйства), он должен его ценностно осмыслить. Пока ценностно осмыслить пространство квартиры не получается, что неиз-

бежно предполагает вопрос о месте жизни — стране, крае, городе: что это такое и каков смысл моей жизни здесь? Человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить. Этот — экзистенциальный по существу — аспект отношений человека к месту его жизни был одним из самых существенных для нас импульсов к изучению пришвинского дневникового текста.

Надвигающаяся война заставила писателя срочно обработать свои дневники и сдать их в музей. Требовалась помощница, которая могла бы посвятить свое время писателю. Так в качестве секретаря в его новую квартиру вошла Валерия Дмитриевна Лебедева.

Ей было сорок лет. Родом она из Витебска из семьи военного. В ее жизни было много всего: и влюбленность, и большая любовь, и даже тюремное заключение, и ссылка. Валерия Дмитриевна поступила в Московский уни-

верситет, но не смогла учиться из-за больной матери. Она окончила Институт Слова, где на ораторском факультете преподавал известный православный философ Иван Александрович Ильин. Валерия слушала также лекции Н.А. Бердяева, который безвозмездно читал желающим курс по философии религии на Поварской, в доме 52. А учеба в Институте Слова привела Валерию Лиорко также к знакомству с Алексеем Федоровичем Лосевым, тогда молодым преподавателем. Общение их продолжалось всю жизнь.

В 1946 году Валерия Дмитриевна и Михаил Михайлович купили домик в Дунино, где провели восемь счастливых «дачных сезонов» до самой смерти писателя. В квартиру в Лаврушинский к Валерии Дмитриевне придут секретари Лилия Рязанова и Яна Гришина, чтобы помочь разобрать материалы писателя. Этими материалами они будут заниматься до самой кончины Валерии Дмитриевны, а потом возглавят в разное время музей в Дунине.

